

ГОСПОДИН НУЛЬ

Правила Колебаний

ОЛЕГ МОРОЗОВ

Олег Морозов
Господин Нуль

«Автор»

2026

Морозов О. Л.

Господин Нуль / О. Л. Морозов — «Автор», 2026

Я был ведущим физиком в ЦЕРНе, изучал фундаментальные основы реальности, а закончил свою жизнь в сингулярной вспышке вышедшего из-под контроля ускорителя. Но смерть оказалась лишь переходом. Теперь я — Саша Волков, семнадцатилетний бастард уничтоженного аристократического рода в альтернативном Петербурге. В мире, где магию измеряют в герцах, а социальный статус зависит от чистоты твоего «звучания». Мой диагноз — «Нулевой ранг». Для местной элиты я — акустический мусор, пустое место, идеальный кандидат на алхимические рудники. Они называют это магией. Я называю это прикладной волновой механикой. Они пытаются перекричать друг друга силой эфира, не понимая, что самая сокрушительная мощь кроется в тишине. У меня нет магического дара. Но у меня есть знания многолетней научной работы. И я научу эту имперскую симфонию звучать по моим правилам.

© Морозов О. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Олег Морозов

Господин Нуль

Глава 1

Этого не могло быть. Согласно всем фундаментальным законам термодинамики, квантовой механики и самого простого человеческого здравого смысла, я должен был быть мертв. Последнее, что зафиксировали мои датчики в стерильном полумраке лаборатории «ЦЕРН-2» за миллисекунду до того, как реальность вывернулась наизнанку — это критический всплеск амплитуды в активной зоне резонатора. Ослепительная, сингулярная вспышка, за которой последовала абсолютная, звенящая тишина, лишенная даже фонового шума Вселенной. Сорок лет моей жизни, посвященных изучению волновых функций и акустических аномалий, должны были закончиться эффектным облаком ионизированных частиц в самом сердце Швейцарии.

Но тишина закончилась. И она закончилась неправильно.

Я открыл глаза и первым делом услышал шум. Но это был не тот выверенный, чистый белый шум исследовательского комплекса, к которому я привык, как к биению собственного сердца. Это был хаос. Грязный, аналоговый дребезг реальности, которая буквально разваливалась на куски от собственной нестройности. Звук был тяжелым, вязким, он давил на барабанные перепонки с такой силой, что в висках начало пульсировать, а во рту появился отчетливый привкус железа.

Я попытался поднять руку, чтобы протереть глаза, и замер в немом оцепенении. Мои пальцы... Они были чужими. Слишком тонкими, слишком короткими, с бледной, почти прозрачной кожей, лишенной привычной жесткости и характерных мелких шрамов от неосторожного обращения с лабораторным оборудованием. Это были руки подростка, который никогда в жизни не держал ничего тяжелее карандаша.

Меня зовут Виктор. Виктор Шелест. Это первое, за что я отчаянно уцепился, когда паника — холодная, липкая, абсолютно нерациональная — попыталась прорваться сквозь барьеры моего сознания. Я — доктор физико-математических наук. Я подавил подступающий животный ужас привычным усилием воли, заменяя страх холодным анализом. Я сделал вдох, и легкие отозвались резким жжением. Воздух в этой комнате был тяжелым, застойным, пропитанным привкусом угольной пыли, дешевого табака и какой-то странной, маслянистой статики, от которой волоски на руках вставали дыбом.

Я не был в Женеве. Я не видел за окном заснеженных пиков Альп. Вместо этого — серый, липкий полумрак тесной каморки, пропахшей сыростью и безнадеей.

— Еще живой, крысеныш? — Голос ворвался в мои мысли, как удар тяжелого молота по расстроенному камертону. В нем не было сочувствия, только раздражение и неприкрытая угроза.

Я не успел повернуть голову, чтобы рассмотреть говорившего. Резкий, сокрушительный удар тяжелого кованого сапога пришелся мне прямо в ребра, вышибая остатки кислорода из легких. Я повалился на бок, хватая ртом пыльный воздух, и тут же получил второй удар — на этот раз наотмашь, тяжелой ладонью по лицу. Голова мотнулась, ударившись о жесткий, пахнущий плесенью матрас, и в этот момент плотина внутри моего разума окончательно рухнула.

Это не было просто «воспоминанием». Это был информационный шторм, цунами данных, которое смывало моё «я», замещая его чудовищным массивом чужого опыта.

Миллионы кадров жизни другого человека пронеслись сквозь мои синапсы за доли секунды, вызывая короткое замыкание в восприятии. Холод промозглых петербургских улиц, где туман пахнет эфирной гарью. Вкус пустых щей в дешевой столовой. Лицо высокого муж-

чины с печальными, глубоко посаженными глазами и вечно испачканными чернилами пальцами — «Отец», шептал голос где-то в глубине подсознания. Страх. Бесконечный, удушающий страх перед людьми, которые умели заставлять сам воздух дрожать и подчиняться их воле.

И имя. Оно выжглось на подкорке, как серийный номер на приборе, вступая в болезненный диссонанс с моей собственной сутью. Саша. Александр Волков.

Я — больше не только Виктор Шелест. Я — это симбиоз. Сорокалетний физик-теоретик с мировым именем, запертый в теле семнадцатилетнего бастарда уничтоженного рода.

Мой рациональный разум пытался отгородиться от этого безумия терминологией. Квантовое туннелирование сознания? Перезапись нейронных связей при критическом энерговыбросе? Но чужая боль была слишком реальной, чтобы игнорировать её. Я чувствовал унижение этого мальчика так же остро, как жжение от пощечины. Его «Нулевой ранг» — социальное клеймо, из-за которого его считали даже не вторым сортом, а просто досадной помехой на фоне великой гармонии Империи.

— Ну чего разлегся, «ваше благородие»? — Мужчина, ударивший меня, глумливо хохотнул, потирая кулак. — Вставай, долги сами себя не отдадут. Или ты думал, что если твой папаша-еретик сгорел в своем кабинете, то и счета аннулируются?

Я медленно, чувствуя, как каждая мышца протестует против малейшего движения, поднял взгляд. В углу комнаты, на облезлом табурете, сидел человек, которого в памяти Саши звали «Рыжим». Типичный коллектор из нижних кварталов, мелкая сошка на службе у местных ростовщиков. На нем был сюртук странного, допотопного покроя из плотной кожи. Он смотрел на меня с профессиональной скукой мясника, который ждет, когда теленок перестанет дергаться.

— Где я? — мой новый голос всё еще дрожал, и я ненавидел эту биологическую реакцию тела, которое годами дрессировали подчиняться силе.

— В канаве ты, Волков. В самой глубокой и вонючей, — Рыжий лениво сплюнул на грязный пол, и звук падения капли в звенящей тишине комнаты показался мне ударом гонга. — А если юридически — ты в доходном доме мадам Курагиной, за который твой покойный папаша задолжал столько, что тебе до конца жизни не отработать. Твой род — всё, Саша. Твой герб сожжен на Дворцовой площади, а твое имя вычеркнуто из списков живых еще до того, как ты испустишь дух.

Я не был в Швейцарии. Это была другая реальность. Мир, который прежний Саша называл «магическим», но который я видел как грандиозное, системное извращение физических законов. Сквозь муть чужой памяти, как сквозь грязное стекло, проступили величественные, давящие своей мощью шпили Академии Вибраций — главного научного и магического бастиона этой альтернативной России. Прежний Саша смотрел на них с благоговейным ужасом, но я... я видел в них не обитель богов. Я видел в них колоссальные антенны, настроенные на резонанс с эфирным фоном планеты.

Шок от осознания реальности случившегося ударил сильнее любого коллектора. Магия? Нет, это невозможно. Информация — это высшая форма энергии, а сознание — это самый сложный волновой пакет. И мой «пакет данных» просто нашел подходящий пустой слот в этой реальности. Нулевой ранг Саши Волкова стал для меня идеальным вакуумом, в который меня затянуло по закону наименьшего сопротивления. У него не было собственной «частоты», не было магического шума, который мог бы оторгнуть мою личность. Это была не мистика. Это была статистика. Чудовищная, невероятная, но математически возможная погрешность Вселенной.

Надтреснутый потолок над моей головой чуть заметно вибрировал. Инфразвук. Низкочастотные колебания, вызывающие подсознательную тревогу. В прошлой жизни мне бы понадобился чувствительный датчик, чтобы зафиксировать этот фон, но сейчас мой мозг, освобожденный от необходимости фильтровать собственный магический шум, сам выдал точное

значение. Четыре герца. Я не просто чувствовал дрожь, я воспринимал эту цифру так же ясно и обыденно, как температуру воздуха или привкус крови на губах. В этом мире всё пело, гудело и вибрировало, подчиняясь иерархии частот, а мое тело превратилось в идеальный, сверхчувствительный приемник. Я сосредоточился на этой вибрации, используя её как точку отсчета, как метроном для стабилизации рассыпающегося разума. Я заставил свое сознание синхронизироваться с этим ритмом, превращая дискомфорт в инструмент для калибровки моих новых чувств. Если я хочу выжить и вычислить фундаментальные правила этого мира, мне нужно научиться слушать эту симфонию. Разобрать её на ноты, прежде чем пытаться стать дирижером.

— Слушай меня внимательно, малец, — Рыжий тяжело поднялся, и я увидел на его пальце кольцо из тусклого, оксидированного металла. Магический накопитель. В моем восприятии оно выглядело как активный источник помех, пульсирующий грязным, рваным светом. — Твой род вычеркнут из Золотой Книги. У тебя есть ровно час, чтобы собрать свои обноски, прежде чем я вернусь с ошейником. Пойдешь в уплату долга живым катализатором на алхимические рудники. А эту комнату уже забронировал приличный человек, который платит звонкой монетой.

Я смотрел на него, и мое удивление медленно сменялось холодным, исследовательским интересом. Шок отступил, оставив место профессиональному азарту. Это был первый живой образец этого мира. И он был... крайне несовершенен. Его «магия» была грязной.

Я смотрел на его кольцо. Оно пульсировало слабым голубым светом. Мой мозг, привыкший за много лет к мерцанию осциллографов и анализу спектров, непроизвольно начал обсчитывать картинку. Это была синестезия, возведенная в абсолют: я видел частоту как цвет и ритм. Частота кольца — примерно 115-120 герц. Низкий ранг. Низкая дисциплина сигнала. Кольцо буквально «фонило», теряя до сорока процентов энергии впустую.

«Они называют это магией», — подумал я, ощущая странную смесь презрения и любопытства. «Но это просто примитивная работа с волнами. Причем работа крайне небрежная, на уровне средневекового кузнеца, пытающегося починить атомный реактор кувалдой».

— Эй, я к кому обращаюсь? — Рыжий шагнул ко мне, сокращая дистанцию. — Ты что, окончательно лишился рассудка в своей горячке? Или хочешь еще добавки, чтобы память освежить?

Он снова замахнулся. Рука, напитанная эфиром из кольца, начала мелко подрагивать. Воздух вокруг него наэлектризовался, я почувствовал резкий, сухой разряд статики, от которого зашевелились волосы на затылке. В моем зрении его магические каналы выглядели как ржавые, забитые шлаком трубы, по которым под слишком большим давлением пытались прогнать вязкую субстанцию.

— Твоё кольцо, — произнес я, и мой новый голос на этот раз прозвучал неожиданно твердо, отсекая все эмоции Саши. — Оно настроено на модуляцию «физического усиления». Но оно собрано кустарно. В фокусирующей линзе кристалла — микротрещина, идущая по диагонали. Ты пытаешься компенсировать падение КПД за счет избыточного вливания энергии из собственного канала. Ты сейчас буквально выжигаешь свои собственные нервные узлы, заменяя живую ткань эфирными шрамами. Тебе ведь больно по ночам, когда магия уходит?

Рыжий замер. Его кулак, светящийся мутным голубым светом, завис в паре сантиметров от моего лица. В его глазах мелькнула тень суеверного страха.

— Чего ты несешь, недоносок? Какая линза? Ты бредишь, Волков. Тебе лихорадка окончательно мозги расплавила.

— Частота твоей магической накачки — ровно 124 герца, — продолжил я, медленно приподнимаясь на кровати. Мои новые руки всё еще казались чужими, но я уже начал понимать принципы обратной связи этого тела. — Ты перекачиваешь эфир в локтевой сустав, создавая избыточное давление. Если я сейчас изменю фазу колебаний всего на два герца в противо-

фазе... — Я потянулся и почти невесомо, одними кончиками пальцев, коснулся его запястья в точке прохождения основного нервного меридиана.

Я не использовал магию. У меня её не было — в их понимании. Я использовал собственное тело как пассивный резонатор. Моя «нулевая» оболочка, лишённая собственного магического шума, сработала как безупречное акустическое зеркало. Я просто позволил его собственной силе, бесконтрольно бьющей из кольца, отразиться от меня и вернуться в источник с идеальным фазовым сдвигом.

Эффект стоячей волны. Удар по обратной связи. Резонансный взрыв внутри замкнутого контура его собственной руки.

Мужчина издал короткий, сдавленный хрип. Его лицо мгновенно стало пепельно-серым. Руку начало бить мелкой, высокочастотной дрожью, от которой суставы начали издавать отчетливый сухой треск. Кольцо на пальце раскалилось до фиолетового свечения, воздух вокруг него задрожал от жара, запахло горелой кожей и перегретым металлом. Коллектор отпрянул, хватаясь за запястье, его глаза вылезли из орбит от невыносимой боли и шока.

— Что... что ты сделал?! Проклятие Волковых?! Подлое колдовство?!

— Это не колдовство, — ответил я, наконец встав на ноги. Колени подкашивались, в голове кружились цветные пятна, но я удерживал равновесие, опираясь на холодную ярость ученого. — Это прикладная физика. Ты пытался кричать в пустую, идеально тихую пещеру, и пещера вернула тебе твой крик, усилив его вдесятеро. Не стоит винить эхо в том, что у тебя дурной голос и нет музыкального слуха.

— Я тебя в порошок сотру! Я тебя зубами загрызу! — Он взревел, и в его левой руке, не пострадавшей от резонансного удара, материализовался кинжал. Лезвие из спрессованного, вибрирующего эфира гудело, как рой разъяренных ос, запертых в стеклянной банке. Это было «Жало» — дешевый артефакт, популярный среди уличных банд.

Он бросился на меня с яростью раненого зверя, забыв о всякой осторожности. В его примитивном мире всё решало грубое преимущество в силе, а я в его глазах оставался всего лишь бессильной «пустышкой», которой просто один раз случайно повезло. Он не понимал, что правила игры изменились навсегда.

Я видел его вектор атаки так ясно, словно он был начерчен неоновым светом на черном фоне. Я слышал «пение» его оружия. Лезвие кинжала вибрировало на частоте около 15 000 герц — типичная ультразвуковая заточка, способная резать стальные листы, как теплое масло. Но такая частота делает структуру лезвия крайне нестабильной в точках узлов вибрации.

Я сделал короткий, экономный шаг вправо, пропуская лезвие в паре миллиметров от ребер. Мир вокруг замедлился. Это не была магия времени — у меня просто не было на это ресурсов. Это была экстремальная концентрация сознания ученого, отсекающего девяносто процентов информационного шума и фокусирующегося на единственной критической переменной. Мой мозг работал как суперкомпьютер, просчитывающий траекторию частицы в ускорителе.

В момент, когда кинжал пролетал мимо, я щелкнул пальцами прямо у основания эфеса, в точке, где вибрация кристалла-генератора передавалась на лезвие.

Щелк.

Короткий, точечный импульс точно в узел вибрации. Критическая точка напряжения. Фазовый переход из упорядоченного состояния в хаотическое.

Раздался высокий, стеклянный звон, от которого у меня самого заломило зубы. Магическое лезвие рассыпалось в пыль. Буквально. Мириады светящихся голубых крошек осыпались на грязный пол, как угасающая звездная пыль. Мужчина, потеряв опору и инерцию, врезался плечом в стену, выбив облако сухой известковой пыли.

— Мой нож... родовое «Жало»... — он тупо смотрел на пустую рукоять в своем кулаке. — Ты... ты не можешь быть Нулем. Это ложь. Ты — мастер Спектра! Ты шпион Тайной Канцелярии!

— Пустота — это тоже пространство, — сказал я, подходя к нему. Мои шаги были мягкими, уверенными. Я чувствовал, как ко мне возвращается контроль над ситуацией. — И в этой пустоте очень удобно прятать то, что ты не хочешь слышать. А теперь убирайся. И передай своим хозяевам: род Волковых не умер. Он просто взял паузу для перенастройки. Если ты еще раз появишься здесь, я не буду разрушать твой нож. Я разрушу твою центральную нервную систему, превратив твой мозг в кашу. Ты меня понял?

Ужас перед непонятной, тихой силой, которая не подчинялась привычным законам этого мира, вытолкнул его из комнаты быстрее любого магического импульса. Грохот его сапог по лестнице затих где-то внизу, сменившись хлопаньем входной двери.

Я остался один. В абсолютной тишине.

Шок от перемещения всё еще пульсировал где-то на задворках сознания, но теперь он был надежно упакован в рамки научных гипотез и планов. Я подошел к треснувшему, мутному зеркалу, висевшему над умывальником. Из него на меня смотрел чужой мальчик. Бледный, худой, с лихорадочным, почти безумным блеском в глубоко запавших глазах. В его чертах лица читалась порода, которую не смогла стереть нищета последних лет.

— Значит, Нуль, — повторил я, глядя в свои расширенные зрачки. — Идеальное начало координат. Точка сингулярности, с которой начнется новый отсчет.

Мне жизненно необходимы были ресурсы. Энергия, свежие данные о текущем мироустройстве и, самое главное, доступ к закрытым информационным полям Академии Вибраций. Я еще не знал, как именно устроена социальная лестница этой Империи, но понимал одно: знание — это единственная валюта, которая у меня осталась.

Мой новый отец, согласно обрывкам памяти, которые всплывали в сознании, как утопленники, искал «Первородный Код» — базовую частоту, на которой была построена сама матрица реальности. Его сожгли за это вместе с фамильным особняком. Значит, он был прав. Значит, он нашел что-то, что угрожало самой основе власти высокочастотных родов. Значит, этот мир стоит на гораздо более сложном и опасном фундаменте, чем думают эти напыщенные аристократы.

Я опустил на грязный пол. Грязь меня не волновала. Нужно было провести срочную инвентаризацию внутренних ресурсов. В этом мире магию считали чем-то вроде мышцы — чем больше вливаешь энергии, тем сильнее удар. Какое варварство. Магия — это алгоритм, модулированный через эфирный поток. Это информация, ставшая плотью.

Я закрыл глаза и начал глубокое погружение в медитацию, пытаясь нащупать границы этого мира.

Один герц... — ритм моего сердца. Слишком частый, аритмичный. Успокаиваем биологический шум, снижаем частоту пульса до стабильных шестидесяти ударов в минуту. Семь целых восемьдесят три сотых герца... Вот оно. Резонанс Шумана. Основная частота колебаний электромагнитного поля Земли. Дыхание самой планеты. Маги этого мира презирали эту частоту, считая её мусором, непригодным для создания боевых плетений. Им подавай мегагерцы и тонкие спектры звездных сфер. Идиоты. Они пытались построить небоскреб, полностью игнорируя гранитный фундамент под ногами.

Я настроил свое «нулевое» тело на этот планетарный гул. Моя пустота начала заполняться. В ту же секунду ломота в костях исчезла, уступив место странному ощущению полноты. Я почувствовал, как во мне начинает циркулировать тяжелая, вязкая и невероятно плотная энергия земли. Я не генерировал магию — я стал её идеальным проводником. Мои каналы, которые считались «атрофированными», на самом деле были просто настроены на другой диапазон, недоступный для местных датчиков.

Дверь скрипнула. Я не открыл глаз, но мой новый внутренний «сонар» уже отрисовал четкий контур пришедшего. Легкая походка, мелодичный ритм пульса, запах муки, дешевого мыла и полевых трав.

— Саша? — голос девушки дрожал от нескрываемой тревоги. — Рыжий вылетел отсюда как ошпаренный... Он кричал, что ты демон из бездны. Что случилось? Ты опять бредишь? Мать уже послала за дворником, чтобы тот вышвырнул тебя на мостовую за неуплату.

Я открыл глаза. Это была Софья. Дочь мадам Курагиной, хозяйки этого клоповника. Единственная живая душа, которая проявляла подобие человечности к умирающему бастарду, принося ему куриный бульон и чистую воду. В памяти Саши Волкова она была недостижимым идеалом, «светлой леди» из мира тех, кто умеет греть воду взглядом и разжигать камин щелчком пальцев. Для меня же она была ценным источником информации и моим первым мостом в этот мир.

Её собственная магическая частота была около 400 герц. Ранг «Минор». Типичный бытовой уровень, полезный в домашнем хозяйстве, но абсолютно бесполезный в большой игре престолов. Для прежнего Саши это был предел мечтаний, для меня же — просто точка отсчета. Я еще не видел «вершину» этой магической пирамиды, и делать выводы о своей силе было слишком рано. Мне нужно было осмотреться.

— Мир — это набор вибраций, Софья, — спокойно произнес я, поднимаясь на ноги. Энергия земли всё еще гудела в моих жилах, давая ощущение странной, почти физической неуязвимости. — И некоторые из этих вибраций очень болезненны для тех, кто привык только кричать, но не слушать. У тебя есть карта Петербурга? И свежий номер «Имперского Вестника»? Или хотя бы обрывки новостей, которые обсуждают на кухнях знатных родов?

Она смотрела на меня так, будто у меня на лбу вырос третий глаз.

— Карта? Газета? Саш, ты говоришь как... как не ты. Твой голос... он вибрирует так, что у меня мурашки по коже. Мать вызвала городских. Она боится, что Рыжий вернется с подмогой из своей банды. Тебе нужно уходить. Сейчас же, пока Литейный мост еще не развели для прохода эфирных барж.

Я подошел к ней и мягко забрал из её рук сверток в замасленной бумаге. Внутри оказался свежий хлеб, кусок сыра и немного вяленого мяса. Настоящее топливо для изголодавшегося организма и мозга, которому предстояли колоссальные вычисления. Я чувствовал, как голод отступает перед необходимостью анализа.

— Благодарю, Софья. Это поможет мне восстановить химический баланс системы. И не бойся городских. Они не увидят меня, даже если я пройду в шаге от их патруля. Моя «тишина» — лучший плащ-невидимка в этом шумном городе.

— Ты с ума сошел, — прошептала она, но в её глазах, помимо страха, вспыхнуло жгучее любопытство. — Что с тобой сделал этот жар? Ты словно светишься изнутри, хотя твой ранг всё еще Нуль.

— Это не жар, это резонанс, Софья, — улыбнулся я, и эта улыбка заставила девушку невольно выпрямиться. — Мне нужно понять, как устроена эта система. Как движутся потоки силы в этом городе. И Академия Вибраций — лучшее место для начала сбора данных.

Софья нервно рассмеялась, отступив на шаг в темный, пахнувший пылью коридор.

— В Академию? С Нулевым рангом? Саш, очнись! Тебя даже артефакты на входе не заметят. Ты для них — прозрачный воздух, физическая помеха. Ты даже дверь не сможешь открыть, она просто не зафиксирует твое присутствие как магического субъекта. Тебя раздавит их охранное поле, решив, что ты — механический мусор, попавший в систему защиты.

— Именно это мне и нужно, Софья, — я методично дожевал кусок хлеба, чувствуя, как ясность мысли возвращается окончательно. — В мире, где каждый пытается перекричать соседа на высоких нотах, чтобы доказать свое право на существование, тишина — лучший

камуфляж. Тот, кого не существует в магическом спектре, не имеет ограничений по доступу. Я — системная ошибка в их идеальном мире.

Я посмотрел на свои руки. Пальцы хирурга, холодный ум исследователя и тело, которое я заставлю подчиниться законам волновой механики. Но прежде чем бросать вызов великим родам, мне нужно было увидеть их мир своими глазами. Прочувствовать ритм улиц, понять, как дышит этот механизированный магией монстр под названием Петербург.

Первый этап моего плана был прост: официальное подтверждение статуса «магического инвалида». В Империи существовал лицемерный закон о милосердии — Нулям из бывших благородных семей полагалось мизерное пособие и временный пропуск в архивные залы Академии для «посильного труда» — уборки или каталогизации того, что они считали устаревшим хламом. Общество считало нас безобидными теньями, лишёнными воли. Это был мой легальный вход в их святилище.

— Софья, — я заглянул ей прямо в глаза, заставив её замереть под весом моего взгляда. — Хочешь увидеть чудо на прощание? Маленький урок физики в мире, который вы называете магией.

Я взял со стола медную монету. Последний грош Саши Волкова.

— Магия — это не благословение звезд и не дар крови. Это чистая математика, переложённая на акустику эфира, — тихо произнес я.

Я сосредоточился на кристаллической решетке металла. Я не вливал в монету свою энергию — её всё ещё было мало. Вместо этого я начал легонько постукивать ногтем по её ребру. Равномерно. С точностью до миллисекунды. Входя в резонансный пик структуры меди.

Тюк. Тюк. Тюк.

Звук был почти ультразвуковым, режущим слух. Монета начала подрагивать под моим пальцем, её контуры размылись. Внезапно она вспыхнула ярко-оранжевым светом. Атомы меди начали сталкиваться с бешеной скоростью, выделяя колоссальное количество тепловой энергии за счет микротрения в структуре. Я одернул руку за долю секунды до того, как металл достиг критической температуры.

Спустя мгновение монета окончательно превратилась в каплю жидкого, расплавленного металла, которая с тихим торжествующим шипением прожгла глубокую дыру в дубовой столешнице мадам Курагиной.

Софья вскрикнула, закрыв рот руками. В её глазах теперь было не сочувствие, а настоящий, благоговейный ужас.

— Ты... ты всё это время притворялся?! Ты — Мастер маскировки?!

— Нет, — я вытер холодный пот со лба. Этот, казалось бы, простой фокус с монетой истощил мои запасы энергии на добрую треть. Силы отняло не физическое усилие, а колоссальная концентрация: необходимость удерживать фокус и поддерживать идеальный, не меняющийся ни на долю миллисекунды темп. Разум справился с задачей, но истощенное тело всё ещё оставалось моим самым слабым звеном, бутылочным горлышком всей системы. — Я не маг. Я — исследователь. И поверь мне, Софья, для этого прогнившего мира я гораздо опаснее любого Магистра. Потому что я знаю, как этот мир выключить.

В глубине доходного дома раздался тяжелый, медный удар колокола. Час, данный мне Рыжим, истек. Но вместо банды коллекторов на улице, прямо под окнами, послышались ритмичные, чеканные шаги патруля. Мадам Курагина всё-таки успела поднять тревогу. Гвардейские сапоги — это не лапти бандитов. Четкий ритм 120 шагов в минуту. Порядок Империи опередил Рыжего и пришел за своим мусором.

— Тебе пора, Саша, — выдохнула Софья, и в её взгляде теперь было не только любопытство, но и робкая надежда. — Черный ход за кухней, через мусорные баки. Уходи через дворы на Моховую. Я задержу их, скажу, что ты выпрыгнул в окно.

— Я этого не забуду, Софья. Когда я изменю частоту этого города, ты будешь первой, кто услышит новую мелодию, — я накинул облезлое пальто, скрывающее худобу моего нового тела, и бесшумно вышел в темный коридор.

Петербург встретил меня удушливым запахом угольной гари, сырости и резко ионизированного воздуха — следствием безостановочной работы тысяч эфирных генераторов и плохо изолированных магистралей, постоянно секущих атмосферу микроразрядами. Я шел по лабиринту дворов-колодцев, вглядываясь в каждый кирпич, в каждую трещину. Этот мир не был декорацией — он был сложнейшим физическим объектом, который мне предстояло изучить. Серое небо было расчерчено черными линиями эфирных кабелей, по которым под огромным напряжением текла энергия великих родов. Где-то высоко в облаках, скрытый смогом, величественно и грозно плыл бронированный военный крейсер. Его огромные двигатели издавали низкое, властное рычание, которое подавляло волю любого прохожего.

Я вышел на Литейный проспект и замер, оглушенный обилием данных. Здесь мир раскрывался во всей своей пугающей красе. Я видел, как люди проходят мимо рекламных витрин, даже не замечая, что те пульсируют на частоте легкого ментального внушения. Я наблюдал за патрульными городскими, чьи мундиры были укреплены эфирными щитами, постоянно «фонящими» на частоте около двух килоферц. Это была не просто магия — это была тотальная технологическая среда, где каждый аспект жизни был «озвучен» определенной частотой.

Я шел сквозь толпу, стараясь быть максимально незаметным, и одновременно с этим жадно впитывал информацию. Вот промчался роскошный паровой кэб, его двигатель работал почти бесшумно, выдавая чистейший гармонический ряд — признак дорогого, качественного магического кристалла. А вот мимо проковылял старик в лохмотьях, от которого исходил такой тяжелый, диссонансный гул, что у меня на мгновение заложило уши. Бедность здесь была не просто социальным статусом — она была акустическим увечьем, мешающим человеку встроиться в общий ритм.

«Они не живут, они звучат», — подумал я, наблюдая за прохожими. — «И каждый пытается звучать чуть чище и громче соседа, чтобы не быть раздавленным фоновым шумом города. Какая чудовищная, великолепная неэффективность».

Моя задача стала яснее. Мне не нужно было затевать игру прямо сейчас. Мне нужно было научиться имитировать этот шум, понять, как встраиваться в этот спектр и как исчезать из него. Я должен был стать не игроком, а архитектором, который сначала изучает почву перед тем, как заложить фундамент. Я должен был понять, почему мой эксперимент в ЦЕРНе привел меня именно сюда. Была ли это случайность или результат изысканий моего нового отца?

Я остановился у края проспекта. Впереди, в золотом мареве заката, пропитанном промышленным дымом, высились грозные шпили Академии Вибраций — бастиона тех, кто возмнил себя богами только потому, что их души звучали чуть громче остальных.

— Ну что ж, — прошептал я, глядя на шпили, пронзающие небо. — Посмотрим, готова ли ваша великая симфония к настоящему, научному диссонансу. Но сначала я узнаю, как вы держите свои инструменты. И почему вы так боитесь тишины.

Я шагнул в толпу, растворяясь в городском шуме. Сегодня началась история не нищего бастарда Саши Волкова и не академика Виктора Шелеста, а совершенно нового человека. Архитектора, который пришел, чтобы перенастроить саму эту реальность под свои законы.

Глава 2

Разница между «Дном» Петербурга и его центральными районами ощущалась не визуально. Она ощущалась акустически.

Чем дальше я уходил от покосившегося доходного дома мадам Курагиной, тем сильнее менялась тональность мира. В трущобах реальность дребезжала, как несмазанная телега на булыжной мостовой: низкочастотные гулы, хаотичные выбросы дешевых амулетов, грязный магический смог, оседающий на легких. Но стоило мне пересечь невидимую границу, пролегающую по набережной Фонтанки, как хаос начал структурироваться.

Я вышел на широкий проспект и на мгновение остановился, позволяя своим новым, обостренным чувствам впитать картину альтернативного девятнадцатого (или какого тут по счету?) века.

Этот Петербург не знал запаха лошадиного навоза и конных экипажей. По идеально ровному асфальтовому покрытию, мягко шелестя, проносились обтекаемые безмоторные кэбы. Они не касались земли — их удерживала в воздухе плотная акустическая подушка. Звуковые левитаторы, вмонтированные в днище, постоянно излучали плотные волны, отталкивающиеся от твердого покрытия. Это было элегантно, но, как физик, я сразу отметил чудовищно низкий КПД: чтобы удержать тонну металла в воздухе звуком, требовались гигантские затраты энергии.

Вместо привычных уличных газовых фонарей вдоль проспекта высились изящные чугунные столбы, увенчанные кристаллами. Они не горели огнем. Кристаллы улавливали фоновый шум города — шаги тысяч людей, гул левитирующих экипажей, разговоры — и преобразовывали эту кинетическую вибрацию в мягкий, ровный люминесцентный свет. Гениальное решение с точки зрения преобразования энергии. Город сам освещал себя своим же шумом.

Воздух здесь был другим. Исчез запах гари и гнили. На углу улицы я заметил массивную бронзовую тумбу с решетками, из которой доносился едва уловимый комариный писк. Ультразвуковой очиститель. Устройство генерировало высокочастотные волны, которые буквально разбивали частицы пыли и сажи в воздухе на безвредные атомарные фракции, создавая вокруг иллюзию горной свежести. Никаких освежителей — только жесткая вибрационная чистка пространства.

Но самым впечатляющим зрелищем были фасады зданий. Вместо бумажных афиш и деревянных вывесок владельцы магазинов использовали резонансные проекторы. Устройства заставляли молекулы воздуха в определенной зоне колебаться так быстро, что те начинали излучать фотоны, формируя объемные, полупрозрачные изображения. Прямо надо мной в воздухе вращалась огромная, сотканная из золотистого света чашка кофе, рекламирующая заведение «Эфирная Турка».

Мир был пропитан магией, которая на поверку оказалась гипертрофированной физикой волн. Местные называли это «Эфиром» и «Резонансом Души». Я называл это полем для непатентованных исследований.

Мой живот издал предательский, низкочастотный звук, напомнив, что кусок сыра, хлеб и вяленое мясо от Софы — это лишь капля в море для растущего, истощенного организма. Мне нужны были нормальная одежда, белок, глюкоза и информация. И для всего этого были нужны деньги. Которых у меня, разумеется, не было.

Я сунул руки в карманы потертого, слишком широкого в плечах пальто и направился в сторону гудящей площади, где располагались торговые ряды. Если где-то и можно быстро найти наличные, не прибегая к грубому грабежу, так это там, где люди добровольно готовы расстаться с ними ради развлечения.

Сенная площадь в этом мире мало чем отличалась от своего исторического аналога по духу, но разительно отличалась по исполнению. Вместо деревянных лотков — изящные стеклянные павильоны с климат-контролем (работающим, очевидно, на эффекте Пельтье, но запитанным от магических накопителей). Вместо крикливых зазывал — локальные акустические проекторы, транслирующие рекламные лозунги прямо в уши прохожих, стоит только пересечь невидимый звуковой барьер.

Я бродил между рядами, анализируя экономику. Валютой служили имперские рубли, но не золотые. В ходу были монеты со впаянными микрокристаллами эфира. Медь, серебро, платина — ценность определялась чистотой и емкостью кристалла в центре монеты. Энергия была реальным золотым стандартом.

Вскоре мое внимание привлекла толпа зевак, собравшаяся у подножия памятника какому-то местному полководцу. В центре круга стоял шуплый, вертлявый мужчина средних лет в ярком, но заношенном сюртуке. На его голове красовался нелепый цилиндр. Типичный уличный фокусник. Но в этом мире фокусы работали иначе.

На небольшом складном столике перед ним лежал гладкий черный камень, размером с кулак. В камень был вмонтирован крупный кристалл, излучающий мягкое рубиновое сияние.

— Подходите, господа! Не стесняйтесь! — вещал фокусник, его голос был искусственно усилен крошечным резонатором на воротнике. — Аттракцион «Удержи Искру»! Правила просты, как первый закон Империи! Кладете на стол серебряный рубль. Беретесь за кристалл обеими руками. Если продержитесь десять секунд — забираете десять рублей! Десятикратная выгода за десять секунд вашего времени!

Толпа гудела, но желающих не находилось. Я протиснулся поближе, включив свой внутренний «спектроанализатор».

Камень был не просто игрушкой. Это был генератор нарастающей амплитуды. Когда человек хватался за кристалл, устройство начинало подавать эфирную вибрацию. Сначала приятное тепло. На третьей секунде — жжение. На пятой — частота колебаний входила в резонанс с болевыми рецепторами на коже ладоней, создавая иллюзию того, что в руках зажат раскаленный уголь. На восьмой секунде нервная система обычного человека не выдерживала, и мышцы рефлекторно разжимались.

Простейший, но гениальный обман, основанный на незнании физиологии. Фокусник, разумеется, мог менять частоту генератора незаметным поворотом кольца на своем пальце, подстраивая её под выносливость жертвы.

Пока я анализировал прибор, из толпы вышел здоровенный детина в фартуке мясника.

— Давай я попробую, свистун, — прогудел он, бросив на стол блестящую серебряную монету. — У меня руки к кипятку привыкли, чаны голыми руками таскаю.

— Извольте, сударь! — Фокусник театрально поклонился, незаметно крутанув кольцо. — Десять секунд! Время пошло!

Мясник обхватил кристалл своими огромными лапищами. Первые три секунды он улыбался. На четвертой его улыбка сползла. На шестой на его лбу выступила испарина, а челюсти плотно сжались. Камень в его руках начал угрожающе гудеть, вибрируя на частоте около трех тысяч герц.

На восьмой секунде мясник с рыком отдернул руки. Его ладони покраснели, хотя ни ожогов, ни волдырей не было. Боль была фантомной, вызванной стимуляцией нервов.

— Бесовская штукавина! — рявкнул он, дуя на ладони, и, зло сплюнув, растворился в толпе под смешки зрителей.

Фокусник ловко смахнул серебряный рубль в карман.

— Кто следующий, господа? Неужели в столице не осталось крепких духом мужчин?

Я окинул взглядом свою тощую фигуру в облезлом пальто. Мои шансы выглядели комично. Но физика не обращает внимания на размер бицепса.

Я шагнул вперед.

— Я попробую.

Толпа затихла на секунду, а затем разразилась хохотом.

— Эй, малец, ты бы шел отсюда! — крикнул кто-то из задних рядов. — Тебя этот камень пополам переломит!

Фокусник смерил меня презрительным взглядом, отметив и худые запястья, и бледность, и дешевую одежду. Он даже не стал проверять мой ранг — сенсоры в таких устройствах реагировали на магический фон, а от меня не исходило ничего. Я был абсолютным «Нулем».

— Мальчик, это развлечение для господ с деньгами, — скривился фокусник. — У тебя есть серебряный рубль?

— Нет, — спокойно ответил я, подходя вплотную к столу. — Но у меня есть кое-что получше.

Я расстегнул ворот пальто и отцепил от подкладки серебряную булавку с крошечным, но очень чистым кристаллом. Единственная ценная вещь, оставшаяся от прежнего Саши Волкова. Память о матери. Внутри меня что-то болезненно кольнуло — отголосок чужой сыновней привязанности. Я жестко подавил эту эмоцию. Мне нужны стартовые ресурсы, а сентиментальность в бюджет не положишь.

— Артефактная булавка, — я положил её на стол. — Чистота кристалла — вторая категория. Стоит минимум пятнадцать рублей в любой ломбардной лавке. Если я продержусь десять секунд, ты отдаешь мне всё серебро, что есть у тебя в кармане. Если нет — забираешь её.

Фокусник жадно блеснул глазами. Глазомер у него был отличный, он сразу понял, что булавка настоящая. Он оценивающе посмотрел на меня. В его понимании, тощий мальчишка-безмаг не продержится и четырех секунд. Легкая добыча.

— Идет! — он хлопнул ладонью по столу. — Берись за камень, парень. И не плачь, когда обожжешься.

Я положил обе руки на гладкую, прохладную поверхность камня. Кристалл между моими ладонями был теплым.

— Время пошло! — выкрикнул фокусник и тут же, не теряя времени, крутанул кольцо на своем пальце до упора. Он решил не играть со мной, а сразу выдать максимальную частоту, чтобы закончить шоу.

Кристалл вспыхнул агрессивным багровым светом. Вибрация ударила мне в ладони. Четыре тысячи герц. Пять тысяч. Волна пошла по нервным окончаниям, стремясь добраться до мозга и заставить его послать сигнал «ОПАСНОСТЬ! БРОСЬ!». Это было похоже на то, как если бы я сунул руки в улей разъяренных электронных пчел.

Толпа замерла в ожидании, когда я закричу.

Но я закрыл глаза и улыбнулся.

Для мясника или любого другого жителя этого мира эта боль была непреодолимой, потому что их тела имели собственную частоту, которая вступала в диссонанс с камнем. Их каналы сопротивлялись.

Но я был Нулем. Идеальной тишиной. И я знал правило суперпозиции волн.

Я не стал бороться с вибрацией. Бороться с волной — значит тратить энергию впустую. Вместо этого я расслабил мышцы рук и позволил вибрации кристалла беспрепятственно войти в мое эфирное тело. Я сделал свои ладони акустически прозрачными. Волна прошла сквозь кожу, мышцы и кости, не встретив сопротивления, не найдя точки для резонанса, и ушла в землю через подошвы моих ботинок.

Семь секунд. Восемь секунд.

Лицо фокусника начало вытягиваться. Он судорожно крутил кольцо, поднимая частоту до предела. Камень гудел так, что стол под ним начал мелко подпрыгивать. Воздух вокруг кристалла искажился от микровибраций.

Но я стоял неподвижно. Мои руки лежали на камне так же спокойно, как если бы это был кусок льда. Я даже не вспотел.

Десять секунд. Одиннадцать. Двенадцать.

— Кажется, время вышло, — спокойно констатировал я, убирая руки от бешено вибрирующего кристалла, чье багровое свечение тут же начало угасать, лишившись проводника.

В толпе повисла гробовая тишина, которая через мгновение взорвалась одобрительными криками и аплодисментами.

— Ай да пацан! — Уделал свистуна! — Плати, шарлатан!

Фокусник побледнел. Он смотрел на свои руки, на кольцо, на камень, не понимая, как его безотказная схема дала сбой.

— Т-ты... ты жулик! — прошипел он, подаваясь вперед. — У тебя артефакт поглощения! Ты обчистил мой камень!

Он потянулся к моей булавке, но моя рука оказалась быстрее. Я накрыл его пальцы своей ладонью и слегка сжал. Совсем чуть-чуть. Но ровно в той фазе, в которой вибрировало его собственное сердце.

— Не советую, — мой голос был тихим, чтобы его слышал только фокусник, но в нем лязгнул металл. — Твой генератор работает на частоте пяти тысяч герц. Моё тело сейчас заземлило эту волну. Но если я решу вернуть её обратно, прямо по твоим кровеносным сосудам к клапанам сердца... боюсь, местная скорая помощь, или как её тут называют, не успеет доехать.

В глазах мужчины мелькнул первобытный ужас. Он понял, что я не блефую. Он почувствовал холод этой угрозы.

— Плати, — повторил я.

Дрожащими руками фокусник выгреб из кармана сюртука горсть серебряных и медных монет. Около двадцати рублей. Хватит на первое время. Я сгреб деньги в карман, забрал свою булавку и, не оборачиваясь, зашагал прочь под удивленные шепотки толпы.

Первый урок усвоен: в мире, где все полагаются на костыли в виде магических артефактов, знание фундаментальной механики делает тебя почти неуязвимым.

Через сорок минут я сидел в небольшой, чистой таверне на окраине Литейного проспекта. Передо мной стояла пустая тарелка из-под наваристого мясного рагу и чашка отличного черного кофе. Пищу здесь готовили не на огне, а в термо-резонаторах — металлических шкафах, которые заставляли молекулы воды внутри продуктов колебаться и разогреваться изнутри. Идеальная микроволновка девятнадцатого века. Еда получилась равномерно прогретой, сохранив все соки. Я наслаждался каждой молекулой белка, которая поступала в мою кровь, восстанавливая работоспособность мозга.

Мой внешний вид тоже претерпел изменения. За десять серебряных я приобрел в лавке подержанных вещей строгий, темно-серый студенческий сюртук, чистую белую рубашку и приличные ботинки. Одежда была не новой, но её обработали в акустической химчистке — ни пылинки, ни запаха. Теперь я не выглядел как портовый оборванец. Я выглядел как бедный, но гордый студент. Идеальная социальная маскировка.

Выйдя из таверны, я направился к своей главной цели. Академия Вибраций.

Издали она казалась просто грандиозным архитектурным ансамблем, выполненным в стиле тяжелого имперского ампира. Но чем ближе я подходил, тем яснее становился её истинный масштаб.

Комплекс Академии не был просто построен из камня. Он был высечен, отлит и собран как гигантский музыкальный инструмент. Башни, шпили, арки — все пропорции подчинялись правилу золотого сечения и акустической гармонии. Здания были облицованы полированным гранитом с вкраплениями метеоритного железа, которое работало как отражатель эфирных волн.

Даже воздух вокруг Академии казался другим. Он был плотным, перенасыщенным статической индукцией и фоновыми микровибрациями. Обыватели старались обходить высокие кованые ограды стороной, инстинктивно чувствуя давящую тяжесть этих акустических частот.

Главные ворота представляли собой грандиозную триумфальную арку из черного металла. Это был не просто вход, это был первый рубеж обороны. В арку были вмонтированы сложнейшие сканеры. Я видел, как они работают: невидимая сетка эфирных лучей сканировала каждого проходящего, считывая частоту его души — его «ранг».

Для прохода внутрь требовался минимальный уровень — «Минор-Плюс». Если частота входящего была ниже или отсутствовала, арка просто блокировала проход жестким кинетическим барьером. Местные студенты проходили сквозь арку с легкой скукой на лицах, и каждый раз металл ворот мягко светился зеленым.

По правилам, слуги, рабочие и прочий «низкочастотный» персонал заходили через задний двор, где их досматривали вручную. Но я не собирался прятаться. Если я хочу получить доступ к библиотеке, мне нужно войти через парадный вход. Как полноправный субъект этого мира.

Я подошел к площади перед воротами. Здесь царила своя атмосфера. Роскошные акустические кареты высаживали отпрысков великих родов. Золотое шитье на мундирах, надменные взгляды, дорогая парфюмерия, смешанная с запахом эфира. Это была элита. Те, кто с рождения привык, что мир вибрирует в такт их желаниям.

Я спокойно зашагал прямо к арке.

В этот момент рядом со мной с легким шипением опустилась на асфальт матово-черная карета с гербом в виде стилизованного сокола. Дверца распахнулась, и из неё вальяжно вышел молодой человек лет девятнадцати. На нем был щегольской мундир старшекурсника с серебряными эполетами. На пальцах — целая россыпь дорогих накопителей, фoniaщих на частоте не ниже шести тысяч герц. Ранг «Магистр». Высокая птица.

Он бросил взгляд на Академию, затем на свои начищенные до блеска сапоги, а затем его глаза наткнулись на меня. Я стоял всего в паре шагов, преграждая ему идеальный маршрут к воротам.

В его взгляде не было ненависти. Было только легкое раздражение, словно он увидел мусор, который дворник забыл убрать с ковра.

— Пошел прочь, пустота, — бросил он и брезгливо махнул рукой в перчатке.

Это не было физическим ударом. Он использовал эфирную волну. Кинетический толчок, невидимый глазу плотный фронт воздуха, который должен был отбросить меня на несколько метров в сторону, как пушинку. Для него это было так же естественно, как отмахнуться от назойливой мухи.

Я почувствовал приближение волны. Её структура была примитивной — просто грубое уплотнение пространства, летящее мне в грудь.

Инстинкт прежнего Саши Волкова кричал: сжаться в комок, закрыть голову руками, умолять о пощаде. Мой разум академика Шелеста просчитал траекторию, плотность и фазу этой волны за долю секунды.

В любой одиночной бегущей волне нет безопасных зон. Но этот юнец бросил свою магию небрежно, слишком широким фронтом. Часть кинетического импульса неизбежно должна была ударить в отполированную гранитную брусчатку передо мной и отразиться. Прямая волна и отраженная. Когда гребень одной встречается со спадом другой, происходит деструктивная интерференция — волны взаимно гасят друг друга, создавая локальную зону нулевого давления.

Я не стал выставлять блок. Не стал уворачиваться. Мой мозг уже решил систему дифференциальных уравнений. Я просто сделал короткий, геометрически выверенный шаг вперед и

чуть в сторону, смещая центр тяжести в ту единственную точку пространства, где прямая и отраженная волны пересекались в идеальном противофазном резонансе.

Воздух взревел. Спрессованный эфир ударил со всех сторон, но в точке моего нахождения векторы давления просто обнулились. Кинетический шторм разорвался вокруг меня, обогнув мое тело по идеальной параболе. Ударная волна обрушилась на брусчатку позади, подняв в воздух облако пыли и мелкого мусора. Пальто на моих плечах лишь слегка дрогнуло от вторичных завихрений воздуха.

Молодой аристократ замер. Его свита — двое хмурых охранников — инстинктивно схватились за рукояти своих палашей.

— Что за... — пробормотал аристократ, сдвинув брови. Он явно не понял, почему его магия не сработала. Он посмотрел на меня внимательнее, пытаясь «прощупать» мой ранг. Ничего. Звенящая, пугающая тишина.

— Волны, летящие в пустоту, имеют свойство рассеиваться, ваше сиятельство, — ровным, лишенным эмоций тоном произнес я. — Советую вам поработать над фокусировкой. Вы тратите слишком много эфира на обогрев улицы.

Я не стал дожидаться его реакции. Развернувшись, я направился к черной арке, но остановился в полуметре от невидимой границы.

Мой внутренний «спектроанализатор» впился в структуру защитного поля. Я помнил предупреждение Софьи: охранная система раздавит любого, кто не имеет магической сигнатуры, приняв его за посторонний физический предмет. И она была абсолютно права. Арка работала по принципу активного эфирного эхолота: она посылала зондирующий импульс и считывала отраженный фон. Если объект плотный, но магии в нем нет — мгновенно включался протокол уничтожения.

Я взгляделся в мерцающую сетку лучей. Частота пропускания... базовая гармоника около трехсот герц. Нижний порог ранга «Минор-Плюс». Мое тело сейчас — идеальный Нуль. Если я просто шагну туда, система зафиксирует «пустое» физическое тело и активирует пресс. Мой разум мог просчитать что угодно, но голой физикой кинетический барьер в тысячи тонн не обманешь.

Для прохода мне нужен был генератор ложного фона. Эфирная обманка, которая слилась бы с несущей частотой турникета и сымитировала наличие у меня минимального ранга. Проще говоря — мне нужен был артефакт. Специфический, настроенный строго на триста герц.

Я медленно сделал шаг назад, выходя из зоны предварительного сканирования и сливаясь с толпой зевак. Прямой шторм отменяется. Что ж, это даже интереснее. Значит, перед тем как штурмовать архивы, мне придется заняться прикладной инженерией и создать свой первый прибор в этом мире.

Я бросил последний взгляд на громаду Академии Вибраций, гудящую от скрытой мощи, и развернулся в сторону городских улиц.

— Я скоро вернусь, — прошептал я. — Только найду подходящий камертон.

Глава 3

Отступление не является поражением, если оно продиктовано математическим расчетом. В физике это называется поиском пути наименьшего сопротивления.

Я медленно удалялся от грандиозных черных ворот Академии Вибраций, мысленно прокручивая в голове структуру охранной арки. Мой внутренний «спектроанализатор» — эта удивительная синестезия, возникшая в результате слияния разума академика Шелеста и абсолютно «тихого» тела Саши Волкова — выдал мне четкие параметры задачи.

Несущая частота сканера — триста герц. Минимально допустимый порог, соответствующий рангу «Минор-Плюс». Если объект излучает частоту ниже или не излучает её вовсе, но при этом обладает физической плотностью, система классифицирует его как неживую материю или магическую аномалию. А дальше — протокол аннигиляции. Грубый, прямолинейный кинетический пресс, который раздавит меня в кровавую лепешку быстрее, чем я успею моргнуть.

Мне нужна была маскировка. Эфирный камуфляж, который заставил бы бездушную машину поверить, что перед ней находится заурядный, ничем не примечательный адепт низшего звена. Мне нужен был артефакт-излучатель, откалиброванный ровно на триста герц.

Проблема заключалась в том, что после покупки еды и сюртука в моем кармане оставалось меньше десяти серебряных рублей из тех двадцати, что я отвоевал у уличного шарлатана. В витринах фешенебельных магических лавок на Литейном проспекте самые дешевые стабилизаторы ранга стоили от пятисот рублей и выше. Это были изящные изделия из золота и платины, инкрустированные кристаллами идеальной огранки, которые аристократы покупали для своих бездарных отпрысков, чтобы те хотя бы номинально соответствовали статусу.

Для меня путь в такие магазины был закрыт. Но наука тем и прекрасна, что для её работы не нужны платиновые оправы. Фундаментальные законы физики одинаково бесперебойно работают как в стерильных лабораториях ЦЕРНа, так и в самой грязной сточной канаве. Мне не нужен был ювелирный шедевр. Мне нужен был работающий осциллятор. И я знал, где искать детали.

Память Саши Волкова услужливо подкинула маршрут. Апраксин двор. Или, как его называли в этом мире, «Эфирная барахолка» — огромное, зловонное, пульсирующее хаосом чрево Петербурга, куда стекался весь магический неликвид, сломанные артефакты, разряженные накопители и контрабандные детали двигателей. Место, где законы Империи работали через раз, а жизнь стояла ровно столько, сколько энергии оставалось в твоём личном кристалле — портативном эфирном накопителе, который носили в кольце или браслете. Заряд этого камня был здесь и источником питания для самообороны, и универсальной валютой, которая на черном рынке ценилась даже больше, чем отчеканенные имперские рубли.

Я свернул в лабиринт узких, кривых переулков, оставляя позади вылизанные проспекты с их идеальным акустическим фоном. Здесь, на подступах к рынку, город снова начал дребезжать.

Вместо изящных люминесцентных столбов здесь висели дешевые газоразрядные трубки, питающиеся от нестабильных уличных узлов. Они мигали с раздражающей частотой в пятьдесят герц, издавая низкое, болезненное гудение, от которого у местных жителей наверняка развивалась хроническая мигрень. По улицам сновали люди в потертых пальто, их лица были серыми, а ауры — тусклыми, рваными, похожими на помехи на экране старого телевизора.

Я погрузился в этот океан диссонанса, чувствуя себя единственным настроенным инструментом в оркестре, где все музыканты оглохли. Моя нулевая аура позволяла мне скользить сквозь толпу незамеченным. Я не фонил. Я не привлекал внимания местных карманников,

которые привыкли оценивать жертву по плотности излучения её кошелька. Для них я был просто серой тенью.

Ряды Апраксина двора встретили меня какофонией звуков и запахов. Прилавки ломились от ржавого железа, треснувших кристаллов кварца, мотков медной и серебряной проволоки, почерневших от перегрузок конденсаторов. Торговцы кричали, пытаясь перекрыть друг друга, но их настоящая борьба шла в эфирном спектре — каждый пытался излучать агрессивную, подавляющую частоту, чтобы заставить покупателя подчиниться.

Я шел вдоль рядов, сканируя товар взглядом. Мой мозг, превратившийся в живой спектрометр, автоматически отсеивал мусор. Вот старик продает «боевые» кольца. Мусор. Кристаллы внутри выгорели на девяносто процентов, структура решетки разрушена, при попытке влить в них энергию они просто взорвутся, оторвав владельцу пальцы. Вот женщина предлагает «амулеты очарования». Примитивная частотная модуляция на уровне ста пятидесяти герц. Достаточно, чтобы вызвать легкое головокружение у собеседника, но не более того.

Мне нужен был стабильный генератор и источник питания.

Наконец, в самом темном и грязном тупике рынка, под навесом из промасленного брезента, я увидел то, что искал. За прилавком, заваленным деталями от промышленных акустических двигателей, сидел тучный мужчина с густой, всклокоченной бородой. Его левая рука была заменена грубым механическим протезом, суставы которого приводились в движение небольшим, слабо пульсирующим кристаллом.

Я подошел к прилавку и остановился, изучая развалы металла. Торговец поднял на меня тяжелый взгляд. Его собственная аура была вязкой, тяжелой, около двухсот герц. Ранг «Минор». Неплохо для барахольщика, но недостаточно, чтобы подавить мой разум.

— Чего надо, студент? — хрипло спросил он, окинув взглядом мой новый, но явно дешевый сюртук. — Здесь нет книжек по изящной словесности. Только железо для тех, кто умеет крутить гайки.

— Мне не нужны книги, — спокойно ответил я, скользя взглядом по деталям. — Мне нужен статор от списанного левитатора третьей модели. И желательно с неповрежденной резонансной вилкой.

Торговец удивленно хмыкнул. Левитаторы третьей модели использовались на старых грузовых баржах, которые курсировали по Фонтанке. Это было грубое, тяжелое оборудование, далекое от изящной магии аристократов.

— Губа не дура. Статор есть. Но зачем тебе вилка? Без питания она просто кусок бронзы.

— Это уже моя забота, — я посмотрел ему прямо в глаза. Мой спокойный, лишенный эмоций тон, не подкрепленный никаким магическим давлением, вызывал у местных разрыв шаблона. Они привыкли, что уверенность всегда сопровождается выбросом эфира. Я же был абсолютно пуст, но говорил как человек, контролирующий ситуацию.

— А ну, подвинься, немощь! — грубый толчок в плечо едва не сбил меня с ног.

Я обернулся. Трое. Типичная рыночная шпана. Местные стервятники, высматривающие в толпе чужаков со свежими сюртуками и без плотной магической ауры. У двоих рангов не было вовсе, у третьего, вожака со сломанным носом, аура едва мерцала на жалких шестидесяти герцах.

— Скидывай пальто, студент, — оскалился вожак, поигрывая короткой свинцовой трубой. — И карманы выворачивай. А то мы тебе твою пустую башку проломим.

В прошлой жизни я бы вызвал полицию. В этой — мой мозг мгновенно начал рассчитывать векторы атаки. Расстояние — полметра. Скорость замаха — низкая. Центр тяжести вожака смещен вперед.

Когда он шагнул ко мне, занося трубу, я не стал отступать. Я сделал резкий подшаг навстречу, уходя с линии удара, и ребром ладони ударил по лучевому нерву его вооруженной

руки, одновременно подставив подножку. Вожак с воплем выронил трубу и, подгоняемый собственной инерцией, тяжело рухнул лицом на грязные доски прилавка.

Идеальная биомеханика.

Но на этом триумф науки закончился, столкнувшись с суровой реальностью физиологии. Мой разум работал как суперкомпьютер, но "железо" — тело семнадцатилетнего истощенного подростка — безбожно тормозило.

Я просто не успел развернуться. Второй бандит с размаху впечатал тяжелый кулак мне под ребра. Воздух со свистом вырвался из легких. Глаза застлала белая пелена. Третий сбил меня с ног подсежкой, и тяжелый сапог больно прилетел мне в бедро.

Я сжался на грязной земле, хватая ртом воздух и чувствуя солоноватый вкус крови на губах. Ошибка в расчетах. Я не учел предел прочности собственных мышц и связок. Каким бы гениальным ни был алгоритм, слабая гидравлика не вытянет тяжелый вес. Мне нужен спорт. Изнурительные тренировки. Иначе в этом мире грубой силы меня забудет любая уличная шавка, прежде чем я доберусь до великих тайн.

— Убью, гнида! — взревел поднимающийся вожак, хватаясь за трубу и вытирая разбитый нос.

— А ну, шаг назад, рванина! — раздался резкий, звенящий металлом женский голос.

Из темной глубины торговой палатки стремительно вышла девушка. Лет восемнадцати, с коротко стриженными темными волосами и мазком машинного масла на бледной скуле. В её руках не было изящной магической палочки или дорогого кольца. Она сжимала массивный гаечный ключ, рукоять которого была плотно обмотана медной проволокой с впаянным тусклым кристаллом.

— Остынь, Галицына! — огрызнулся вожак, хотя и сделал произвольный шаг назад. — Это наша добыча. Не лезь, княжна помоечная!

— Я сказала, пошли вон с точки моего отца, — девушка небрежно щелкнула тумблером на рукояти ключа.

Кристалл вспыхнул грязно-желтым. На пальце девушки синхронно мигнул неприметный перстень, создавая вокруг нее крошечную зону акустического вакуума — локальный глушитель. В воздухе раздался тошнотворный, низкочастотный инфразвуковой гул — около шестнадцати герц. Частота, вызывающая панический, неконтролируемый животный ужас и резонансные спазмы во внутренних органах.

Волна ударила по мне так же, как и по бандитам. Желудок мгновенно скрутило ледяным узлом, а в глазах потемнело от первобытного, биологического страха. Но в отличие от шпаны, мой разум понимал физическую природу этого явления. Я подавил нарастающую панику чистым усилием воли, заставив себя с силой выдохнуть и жестко напрячь диафрагму, сбивая опасный внутренний резонанс тканей.

Бандиты же побледнели, а вожак судорожно согнулся пополам, выронив трубу.

Это было незаконное, кустарно модифицированное устройство. И оно работало безотказно.

— Еще три секунды, и я выкручу мощность так, что ваши кишки наружу попросятся, — холодно процедила Галицына.

Шпану сдуло быстрее, чем осенний лист порывом ветра.

Я тяжело поднялся на ноги, стирая кровь с разбитой губы и морщась от боли в ушибленном боку. Ребра, к счастью, целы, но гематома будет знатной.

Девушка выключила свой "инфразвуковой ключ" и критически оглядела меня с ног до головы.

— Векторы ты считать умеешь, студент. Это я видела, — хмыкнула она, и в её умных, цепких глазах мелькнул неподдельный интерес. — А вот массу своего тела в уравнение под-

ставить забыл. Против лома без массы не попрешь. Физику нужно подкреплять физиологией. И да, неплохо держишь инфразвук для того, у кого нет глушилки.

— Я уже сделал соответствующие выводы и внес корректировки в план развития, — прохрипел я, стараясь держаться ровно. — Спасибо за помощь. Галицына, верно? Громкая фамилия для Апраксина двора.

Тучный торговец за прилавком тяжело вздохнул.

— Моя дочь, Юлия. Остра на язык и слишком любит возиться с запрещенными частотами. Не обращай внимания, парень. А ты, Юля, иди в подсобку. Нечего светить глушилкой, сюда жандармы иногда заглядывают.

Юлия Галицына. Представительница древнего аристократического рода, оказавшаяся на дне общества и собирающая инфразвуковое оружие в подсобке барахолки. От неё буквально веяло скрытым бунтом и непризнанным инженерным гением. В Империи, где магия была монополизирована высокочастотной элитой, такие, как она, обычно становились ядром революционного подполья. Очень полезное знакомство на будущее.

Она бросила на меня еще один изучающий взгляд, фыркнула и скрылась за брезентовым пологом.

— Так на чем мы остановились? — торговец потер переносицу механическим протезом.

— На блоке от левитатора, — я снова переключился на ледяную деловую волну, игнорируя пульсирующую боль в боку.

Торговец поковырялся в ящике под прилавком и с лязгом выложил передо мной массивную, покрытую копотью деталь. Это был тяжелый стальной кожух, внутри которого скрывался U-образный кусок бронзы. Калибровочный камертон — деталь, отвечавшая за синхронизацию хаотичных колебаний дешевого эфирного топлива.

Я провел пальцем по металлу. Механических повреждений нет. Сплав качественный. Если извлечь внутреннюю вилку и укоротить её рожки на пару миллиметров, изменив массу и жесткость, можно добиться идеальной частоты в триста герц.

— Три рубля, — буркнул торговец.

— Один, — невозмутимо парировал я. — У неё микротрещина у основания левого рожка внутреннего резонатора. При подаче мощности свыше тысячи герц она рассыплется от напряжения. Для баржи она уже мертва. А мне сойдет на сувенир.

Мужчина нахмурился, взгляды в деталь, затем выругался себе под нос. Трещину не было видно невооруженным глазом, но мой мозг проанализировал микроструктуру металла по тому, как он отражал рассеянный уличный свет.

— Забирай за полтора, глазастый, — сдался он.

— Заберу за один. Но мне нужна еще одна деталь, — я перевел взгляд на небольшую картонную коробку, стоящую в дальнем углу прилавка. В ней, словно потухшие стекляшки, лежали десятки отработанных магических накопителей. — Источник питания.

— Это шлак, парень, — торговец махнул своим механическим протезом. — Мертвые камни. Их емкость исчерпана. Они даже искру не выдадут. Студенты иногда берут их для лабораторных опытов по остаточному излучению, но толку от них ноль. Продам на вес. Рубль за горсть.

Я запустил руку в коробку. Обычный человек, даже сильный маг, действительно почувствовал бы лишь холодный, пустой камень. В этом мире считалось, что если кристалл перестал светиться и откликаться на вливание эфира, он «умер».

Но физика говорит обратное. Кристалл не умирает, если его внутренняя структура цела. Его просто «заклинивает» от перенапряжения. Мельчайшие частицы внутри намертво сцепляются друг с другом, перекрывая ток энергии. Местные маги просто не знали, как снять этот механический ступор, считая камень навсегда потухшим.

Я перебирал холодные камни, пока мои пальцы не наткнулись на осколок горного хрусталя размером с фалангу большого пальца. В нем не было ни капли свечения, но мой внутренний сканер уловил микроскопическое, запертое внутри напряжение. Диполи были целы. Кристалл был не пуст — он был заблокирован из-за перегрузки. Внутри таился хаотичный, «грязный» потенциал, готовый выплеснуться наружу, если правильно снять напряжение.

— Беру этот, — я вытащил осколок. — Итого, блок и камень. Рубль и пять копеек за всё.

Торговец пожал плечами, принимая монеты. Ему казалось, что он выгодно сбыв кусок стального лома и кусок стекла сумасшедшему студенту.

Мне нужны были еще две вещи. Медная проволока малого сечения для создания индуктивной катушки и инструмент. Я прошел еще несколько десятков метров по рынку и за рубль приобрел моток отличной изолированной меди и старый, зазубренный напильник по металлу. У того же торговца, за дополнительные пятьдесят копеек, я арендовал на час место в глубине его грязной палатки — старый, покрытый пятнами мазута верстак с массивными чугунными тисками.

Хозяин смотрел на меня с подозрением, но серебро сделало свое дело. Он вернулся к прилавку, оставив меня в относительном одиночестве.

Я разложил свои сокровища на верстаке. Первым делом пришлось вооружиться отверткой и открутить тяжелый стальной кожух, который я тут же сбросил в мусорную корзину. Мне нужна была только сама бронзовая вилка — изящная деталь размером не больше портсигара. Рядом легли мутный осколок кристалла, моток медной проволоки и напильник. Из этого мусора мне предстояло собрать компактный генератор ложной ауры ранга «Минор-Плюс», который не будет оттягивать карман.

Процесс начался с калибровки.

Первое — резонатор. Триста герц. Нота «Ре» первой октавы, если переводить на музыкальный язык. Я зажал бронзовую вилку в тиски так, чтобы U-образная часть торчала вверх. Взял напильник.

Физика акустического резонатора проста: частота колебаний прямо пропорциональна жесткости материала и обратно пропорциональна его массе. Чтобы повысить частоту низкочастотного корабельного камертона, мне нужно было уменьшить массу рожков, спилив их концы.

Я ударил по бронзе рукояткой напильника. Металл отозвался густым, вибрирующим гулом. Мой мозг мгновенно расшифровал звук: сто семьдесят герц. Слишком низко.

Я принялся за работу. Металл со скрежетом поддавался зазубренному инструменту. Я стачивал миллиметр за миллиметром, соблюдая идеальную симметрию обеих ветвей вилки, чтобы избежать диссонанса и паразитных гармоник. Физический труд в теле слабого подростка давался тяжело. Спина быстро взмокла, дыхание участилось, а на непривычных к работе ладонях начали вздуться красные пятна будущих мозолей.

Но разум академика Шелеста, привыкший к многочасовым монотонным расчетам в ЦЕРНе, подавлял слабость тела. Это была чистая математика, воплощенная в металле.

Спустя двадцать минут я снова ударил по вилке. Двести сорок герц. Еще немного. Спустя еще десять минут напряженной работы напильником: двести девяносто пять герц. Почти. Я прошелся по краям легкими, сглаживающими движениями, снимая микроскопические доли миллиграмма бронзы.

Последний удар. Звук был чистым, плотным, почти осязаемым. Мой внутренний спектрометр моргнул и выдал точное значение: 300.0 герц. Идеальный резонанс. Камертон был готов.

Второе — источник питания. Мертвый кристалл. Я вынул камень из кармана. Чтобы разбудить его, мне нужно было разрушить внутреннюю фазовую блокировку. В лаборатории я бы использовал ультразвуковую ванну высокой мощности. Здесь у меня были только собственные руки и закон сохранения энергии.

Я положил кристалл на металлическую наковальню верстака. Взял в правую руку тяжелый стальной молоток, валявшийся среди инструментов торговца. Бить по кристаллу было нельзя — он бы просто разлетелся в пыль. Мне нужно было создать точечный, микросекундный импульс кинетической энергии, который прошел бы сквозь кристаллическую решетку и выбил заклинившие диполи из мертвой точки.

Я закрыл глаза. Успокоил дыхание. Настроил свой собственный пульс на стабильные шестьдесят ударов в минуту. Я превратил свою руку, держащую молоток, в идеальный маятник.

Я не стал размахиваться. Я просто опустил молоток на кристалл, но в самый последний миллиметр перед ударом я резко, с максимальной скоростью, сократил мышцы предплечья, превращая мягкое падение в жесткий, хлесткий щелчок.

Клац!

Сталь ударила по кварцу. Сила удара была мизерной, но импульс передачи энергии — колоссальным. Это был идеальный упругий удар.

Внутри кристалла раздался тихий, почти неслышимый хруст. Фазовый замок лопнул. Мгновенно, словно прорвавшаяся плотина, из камня хлынул хаотичный, диссонансный поток энергии. Кристалл не засветился ровным светом — он начал мерцать грязно-серым, фиолетовым и желтым, излучая в пространство дикий эфирный шум, охватывающий диапазон от десяти до десяти тысяч герц.

Камень ожил, но он кричал всеми голосами сразу. Если я принесу этот кусок хаоса к воротам Академии, сканеры не просто раздавят меня — они вызовут гвардию, решив, что я несу нестабильную эфирную бомбу.

Третий этап — сборка. Фильтрация и модуляция сигнала.

Я закрепил пульсирующий, обжигающий пальцы кристалл у самого основания бронзовой вилки, там, где сходились её рожки. Затем взял моток медной проволоки и начал плотно, виток к витку, наматывать её вокруг кристалла и станины камертона, создавая индуктивную катушку.

Физика таких кристаллов позволяет превращать давление в энергию, а саму энергию — обратно в физическое движение. Местные маги просто выплескивали этот эфир наружу, чтобы творить заклинания. Я же пустил дикую силу камня на то, чтобы заставить бронзу механически вибрировать. Медная проволока стала отличным проводником, передающим эту дрожь металлу.

Хаотичные вибрации кристалла передались на металл. Бронзовая вилка мелко, болезненно задрожала. Но магия физики в том, что резонатор поглощает и усиливает только ту частоту, на которую он настроен. Вся грязь, все паразитные волны от десяти до десяти тысяч герц разбивались о жесткость бронзы, уходя в тепло (металл начал ощутимо нагреваться). И лишь одна частота — ровно триста герц — находила отклик в рожках камертона.

Бронза начала петь. Сначала тихо, затем всё громче и плотнее. Хаотичное мерцание кристалла сгладилось, подчиняясь геометрии металла. Грязный серый свет сменился ровным, стабильным изумрудным сиянием.

Генератор ложной ауры работал. Металл и стекло в симбиозе выдавали чистейший, искусственный эфирный фон ранга «Минор-Плюс». Триста герц. Ни больше, ни меньше.

Я вытер лоб тыльной стороной ладони. Руки слегка дрожали от физического и умственного перенапряжения. Я создал магический артефакт, не используя ни капли магии. Только сопромат, акустику и немного удачи.

Я отдал торговцу молоток, сунул свое творение во внутренний карман сюртука, поближе к сердцу, чтобы система сканирования считала сигнал как исходящий от моего собственного биополя, и покинул Апраксин двор.

Обратный путь к Академии Вибраций занял меньше часа. Город всё так же гудел, левирующие кэбы шелестели по асфальту, но теперь я не чувствовал себя чужаком в этой сим-

фонии. У меня был свой инструмент. Пусть скрытый, пусть искусственный, но он давал мне право голоса.

Площадь перед грандиозными воротами всё так же была полна аристократической молодежи. Матово-черной кареты давешнего Магистра уже не было — видимо, он всё-таки решил не тратить время на "пустоту" и отправился на лекции. Охранники в тяжелых, укрепленных эфирными пластинами мундирах скупающе наблюдали за потоком студентов, проходящих через сканирующую арку.

Я подошел к турникету. Сердце в груди отбивало рваный ритм — реакция тела на смертельную опасность. Если я ошибся в расчетах хотя бы на один герц, гравитационный пресс системы безопасности сломает мне позвоночник прежде, чем я успею сделать шаг назад.

Я заставил себя успокоиться. Я — Виктор Шелест. Мои уравнения не дают сбоев.

Я шагнул в зону сканирования.

Невидимая сетка эфирных лучей мгновенно впиалась в меня. Система начала процесс опроса. Мое собственное тело, по-прежнему оставаясь «Нулем», не давало никакого отражения. Я был пустотой. Но прямо на уровне моей грудной клетки пульсировал бронзово-хрустальный симбионт.

Сканер ударил по артефакту, и артефакт ответил. Ответил ровным, чистым, математически безупречным эхом на частоте триста герц.

Для бездушной машины это означало только одно: перед ней находится адепт ранга «Минор-Плюс». Достаточно сильный, чтобы иметь право войти в храм науки, и достаточно слабый, чтобы не представлять угрозы.

Массивный черный металл арки над моей головой вспыхнул мягким, разрешающим зеленым светом. Тяжелые кинетические затворы с тихим щелчком раздвинулись, пропуская меня внутрь. Никакого давления, никакой тревоги. Идеальный акустический стелс, построенный за два рубля на коленке.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает сведенные судорогой мышцы спины, и шагнул на территорию Академии.

Внутренний двор поражал воображение. Это был даже не двор, а настоящий парковый комплекс, укрытый под гигантским полупрозрачным куполом. Купол не поддерживался колоннами — он висел в воздухе, опираясь на систему стационарных стоячих волн. Звуковое давление удерживало тысячи тонн специального закаленного стекла на высоте пятидесяти метров. С физической точки зрения это было настоящее безумие, чудо инженерии, требовавшее колоссальных энергетических затрат, но демонстрирующее абсолютную власть Империи над законами природы.

Вокруг гуляли студенты. Группами и поодиночке. Они обсуждали лекции, смеялись, кто-то прямо на ходу жонглировал небольшими шаровыми молниями, развлекая девушек. Пространство было пропитано десятками различных частот. Здесь были «Миноры», «Медиумы», и даже несколько «Магистров», чей тяжелый, давящий фон заставлял воздух вокруг них слегка рябить.

Я прошел мимо статуи основателя Академии — сурового бородатого мужчины с камертоном в вытянутой руке. Мой путь лежал в центральный корпус, где, согласно обрывкам памяти Александра Волкова, находились Великие Архивы. Место, где хранились чертежи, теории и, возможно, ключи к пониманию того, что именно нашел мой отец перед тем, как его сожгли.

Массивные дубовые двери центрального корпуса открылись передо мной автоматически — сенсоры внутри здания считали мой фальшивый трехсотгерцовый фон и признали за своего.

Я оказался в гигантском холле, залитом мягким светом эфирных ламп. Пол из черного мрамора глушил шаги, а уходящие в бесконечную высоту стеллажи были заставлены миллионами фолиантов, свитков и кристаллов памяти.

В центре холла, за массивной кафедрой из красного дерева, сидел Архивариус. Сухой, жилистый старик в мантии глубокого синего цвета. На его шее висел массивный амулет — целая связка кристаллов, переливающихся в сложном полифоническом ритме. Его личный ранг был явно за пределами высок, но он держал его под идеальным контролем, не излучая ни капли лишнего шума. Истинный профессионал.

Он поднял глаза от какой-то древней рукописи и посмотрел на меня поверх очков-половинок. Его взгляд был острым, как скальпель хирурга. Он не смотрел на мой дешевый студенческий сюртук. Он смотрел прямо в мою суть, словно пытаюсь прочесть мой эфирный код.

— Первый курс? — его голос был сухим и шелестящим, как переворачиваемые страницы. — Ранг «Минор-Плюс»... Едва-едва дотянул до проходного балла. Удивительно, как тебя вообще зачислили с таким бледным фоном, юноша. Что тебе нужно в Главном Хранилище? Раздел адаптивной теории для новичков находится в восточном крыле.

— Именно она мне и нужна, господин архивариус, — я вежливо склонил голову, поддерживая образ заурядного, знающего свое скромное место новичка. Спрятанный в кармане артефакт мерно пульсировал, безупречно держа легенду. — Вводный курс по базовым гармоникам и, если позволите, формуляр для работы в общих залах.

Старик хмыкнул, потеряв ко мне интерес. Заурядная бездарность, пришедшая протирать штаны. Идеально.

Пока он скрипел пером, выписывая мне временный читательский билет, мой внутренний «спектроанализатор» работал на пределе, сканируя пространство.

Я смотрел не на пыльные фолианты общих залов. Я смотрел вглубь гигантского холла, туда, где за тяжелой кованой решеткой скрывались двустворчатые двери, отлитые из свинца и метеоритного железа. Закрытый Сектор. Именно там, согласно остаткам памяти Саши, хранились записи еретиков, опасные исследования и конфискованные труды моего отца.

Эфирный фон вокруг этих дверей был чудовищным. Семь слоев защиты. Перекрестные частоты, фазовые сдвиги, кинетические ловушки, готовые мгновенно разорвать на куски любого, чей резонанс не совпадет со сложнейшим, динамически меняющимся паролем. Семь смертоносных акустических замков. Мой примитивный трехсотгерцовый камертон здесь не поможет. Попытка взломать этот сейф «нахрапом» закончится тем, что меня размажет по стеллажам тонким слоем атомов.

— Держи свой формуляр, студент, — скрипучий голос Архивариуса вырвал меня из вычислений. Он пододвинул ко мне листок плотной бумаги и стопку толстых книг. — И помни: в залах соблюдать абсолютную тишину. Эфирный фон держать под контролем. За малейший диссонанс вылетишь отсюда быстрее собственного крика.

Я принял документы из его сухих рук, почтительно кивнув.

Взлом этой двери потребует ювелирной точности. Мне понадобятся широкополосные анализаторы, генераторы меняющейся фазы, акустические глушители и, что самое главное — знания о том, как строится местная архитектура заклинаний. Мне придется играть роль прилежного студента-слабака, посещать лекции, получить доступ к учебным лабораториям и инструментам, чтобы постепенно наращивать свою технологическую базу. И, возможно, мне понадобятся связи на черном рынке — вроде той же Юлии Галицыной.

Это будет долгая партия. Настоящая научная осада, требующая изнурительной прокачки и моего разума, и моего нового, слабого тела.

— Благодарю, господин архивариус, — я развернулся и зашагал к дубовым столам в читальном зале, крепко сжимая в руках стопку учебников.

Крепость взята. Теперь пора готовиться к величайшему взлому в истории Академии Вибраций.

Глава 4

В классической механике есть золотое правило, приписываемое Архимеду: дайте мне точку опоры, и я переверну Землю.

Сидя за массивным дубовым столом в Общем зале Академии Вибраций, я понимал, что у меня нет ни точки опоры, ни рычага. У меня был только мой разум и жалкий временный пропуск, выписанный скрипучим пером старого архивариуса. Этот клочок бумаги давал мне право находиться здесь ровно трое суток. По истечении этого времени я превращусь в нелегала на территории самого охраняемого объекта Империи, и мой примитивный трехсотгерцовый генератор в кармане не спасет меня от банальной проверки документов местной службой безопасности.

Я закрыл тяжелый фолиант под названием «Введение в базовые гармоника эфир». За последние три часа я проглотил четыре подобных учебника, читая по диагонали и сканируя текст сжеженным, аналитическим взглядом.

То, что местные называли «высшей теорией магии», на деле оказалось удручающе примитивным сборником эмпирических наблюдений. Это напоминало средневековые трактаты по алхимии: «Смешайте серу с селитрой, нагрейте до покраснения, и появится огонь». Местные маги знали, как извлекать энергию из кристаллов и как задавать ей форму с помощью воли и голосовых модуляций, но они совершенно не понимали почему это работает. У них не было ни понимания природы волн, ни знаний о скрытой структуре энергии. Вся их грандиозная цивилизация строилась на методе научного тыка.

Я отодвинул книги. Мне нужен был долгосрочный план. Чтобы вскрыть семь слоев акустической защиты Закрытого Сектора, мне потребуется время. Месяцы, возможно, год. Мне нужен статус полноправного студента. Мне нужен доступ к лабораториям факультета Прикладной Механики — там, судя по справочнику, находились необходимые мне станки и осцилляторы. И, что самое банальное, мне нужно было где-то спать, не опасаясь, что ночью мне перережут горло за новые ботинки, и что-то есть, чтобы поддерживать метаболизм истощенного тела.

Возвращаться в трущобы к мадам Курагиной было нельзя. Рыжий и его банда наверняка уже перевернули там всё вверх дном.

Вывод напрашивался сам собой. Поддельные документы высочайшего качества и конспиративная квартира.

Мой мозг автоматически перебрал список доступных контактов в этом мире. Список состоял ровно из одного имени. Юлия Галицына. Девушка с Апраксина двора, собирающая незаконное инфразвуковое оружие под прилавком своего отца. Вероятно, наследница некогда великого рода, лишённого статуса и сброшенного на социальное дно. А значит, у нее наверняка должны быть свои счеты к действующей власти.

Проблема заключалась в том, что просто прийти к ней и сказать: «Привет, сделай мне фальшивый паспорт Империи и пусти пожить», было бы верхом кретинизма. В лучшем случае она пошлет меня к черту. В худшем — оглушит своим ключом и сдаст жандармам за вознаграждение. В мире, где каждый выживает как может, доверие — это непозволительная роскошь.

Чтобы сделка состоялась, мне нужен был рычаг давления. Компромат, который гарантировал бы её молчание, и одновременно — предложение, от которого её инженерный ум не смог бы отказаться.

Я покинул Академию за час до закрытия. Вечерний Петербург встретил меня промозглой сыростью и густым желтоватым смогом, который оседал на фасадах зданий и заставлял уличные люминесцентные фонари мигать с болезненной частотой.

Путь до Апраксина двора занял сорок минут. Рынок уже сворачивался. Торговцы с лязгом закрывали тяжелые металлические роллеты своих павильонов, запирая их на массивные эфирные замки. Гул толпы спал, уступив место тихим ругательствам грузчиков и лаю бродячих собак.

Я занял позицию в узком, заваленном сломанными деревянными ящиками переулке, откуда открывался идеальный вид на палатку торговца Галицына. Моя нулевая аура делала меня невидимкой для магических сенсоров, но физику никто не отменял. Я натянул воротник сюртука повыше, сливаясь с густой тенью, и максимально замедлил дыхание.

Ждать пришлось недолго. Через двадцать минут тучный торговец с механической рукой повесил на брезентовый полог амбарный замок и тяжело зашагал в сторону Садовой улицы. Юлии с ним не было.

Еще через десять минут ткань палатки дрогнула с другой, невидимой с главной аллеи стороны. Из узкой щели выскользнула стройная фигурка, закутанная в длинный, бесформенный темный плащ. Девушка огляделась, накинула на голову глубокий капюшон и быстрым, почти скользящим шагом направилась вглубь трущоб, подальше от освещенных проспектов.

Я двинулся следом.

Слежка — это не искусство скрываться за углами, как пишут в дешевых романах. Это наука об акустических тенях. Человеческий слух эволюционировал так, чтобы вычленять из фонового шума нестандартные ритмы. Шаги преследователя пугают именно потому, что они не совпадают с пульсом улицы.

Я включил свой внутренний спектроанализатор на полную мощность. Фоновый шум вечерних трущоб колебался в районе сорока герц — гул дальних левитаторов, вибрация канализационных труб, ветер, бьющийся в жестяные крыши. Я подстроил длину своего шага так, чтобы звук удара подошвы о брусчатку идеально попадал в нижнюю фазу этих уличных волн. Я не крался на цыпочках, я шел обычным шагом, но мои шаги тонули, стирались городским шумом.

Юлия вела меня всё дальше в «Кишки» Петербурга. Это был заброшенный промышленный район возле Обводного канала. Здесь не было эфирных фонарей — только редкие коптящие масляные лампы. Заброшенные мануфактуры стояли темными, зияющими провалами окон громадами.

Девушка нырнула в узкий спуск, ведущий в подвальные помещения старой текстильной фабрики. Я подождал минуту, слушая, как затихает эхо её шагов на каменной лестнице, и скользнул следом.

Спускаться пришлось в кромешной темноте. Внизу оказался длинный коридор, перегороденный массивной железной дверью. Дверь была слегка приоткрыта, из щели пробивался тусклый, мерцающий свет и доносились приглушенные голоса.

Я подошел вплотную к проему, прижался спиной к холодному влажному бетону и замер, превратив свое тело в один сплошной микрофон.

Помещение за дверью представляло собой бывшую бойлерную. В центре, вокруг грубо сколоченного стола, освещенного шипящей газоразрядной трубкой, стояли четверо. Юлия, скинувшая капюшон, и трое мужчин в рабочих спецовках. Мой «сонар» мгновенно оценил их эфирный фон. Двое были обычными пустышками, «Нулями», как и я, только без моего интеллекта. А вот третий, высокий мужчина с резкими, фанатичными чертами лица, излучал нервный, рваный фон в районе четырехсот герц. «Минор». Неплохой потенциал, но абсолютно нестабильный. Его эмоции фонили так сильно, что воздух вокруг него казался вязким.

— ...это самоубийство, Северов! — голос Юлии звенел от сдерживаемого гнева. — Вы не можете атаковать распределительный узел на Выборгской с тем хламом, что у вас есть! Их охранные контуры настроены на тысячу герц. Ваши самодельные гранаты просто отскочат от кинетического барьера, не причинив даже царапины!

— У нас нет выбора, Юля, — голос высокого, Северова, был глубоким и рокочущим, как у прирожденного трибуна. — Завтра в полночь цена на бытовой эфир поднимется еще на десять копеек. Они выжимают из нас последние соки. Рабочие в Путиловских доках работают по четырнадцать часов в сутки, чтобы их дети не замерзли насмерть, пока эти высокочастотные твари в Академии пьют вино из самонагревающихся кубков. Искра уже высечена. Нам нужен взрыв.

— Взрыв будет, только если мы пробьем их щиты! — она ударила ладонью по столу, и разложенные на нем чертежи подпрыгнули. — Я просила у вас нормальные кристаллы третьей категории для создания фазового инвертора. Что вы мне принесли? — она брезгливо ткнула пальцем в кучку мутных камней на столе. — Это шлак с рудников. Из него можно собрать разве что зажигалку для сигарет, а не пробивающий заряд!

— Это всё, что удалось достать нашим людям на таможне, — огрызнулся один из рабочих, тот, что стоял слева. — Империя закручивает гайки. Каждый чистый кристалл на учете в Тайной Канцелярии. Сделай из этого то, что сможешь. Ты же у нас инженер из благородных.

— Инженер, а не гребаный алхимик! — Юлия в отчаянии потеряла виски. — Эфирную механику невозможно обмануть лозунгами! У этих камней нет ни чистоты, ни емкости. Из грязи чистую ноту не вытянешь. С этим мусором ваши заряды не смогут войти в резонанс с щитом. Вы просто подойдете к узлу, бросите их, и вас расстреляют патрульные егеря. Я не стану брать на себя вашу кровь.

— Мы готовы пролить кровь ради будущего, — фанатично произнес Северов, его эфирный фон полыхнул агрессивным багровым оттенком. Волна его эмоций ударилась о бетонные стены бойлерной. — Сделай бомбы, Галицына. Иначе нам придется искать другого мастера. Менее принципиального и менее... трусливого.

В повисшей тишине было слышно только гудение старой лампы. Я стоял за дверью и мысленно аплодировал. Классическая картина: страстный, но абсолютно безграмотный пролетариат против суровой реальности сопромата. Революция, обреченная на провал из-за отсутствия фундаментальных знаний в области волновой динамики.

— Я сделаю всё, что смогу, — наконец тихо, сквозь зубы ответила Юлия. — Но если вас схватят, не смейте называть мое имя инквизиторам. Приходите завтра к закрытию рынка. Заберите свои игрушки.

— Слава Искре, — мрачно кивнул Северов.

Скрипнули стулья. Они собирались уходить.

Я мгновенно бесшумно отступил от двери, отбежал на десять метров по коридору и вжался в глубокую нишу между двумя ржавыми трубами водопровода. Мой акустический камуфляж сработал безупречно. Трое мужчин вышли из бойлерной и, тихо переговариваясь, прошли мимо меня, даже не взглянув в мою сторону. Их шаги затихли на лестнице.

Я подождал еще пару минут, давая им уйти на безопасное расстояние, и медленно вышел из укрытия.

Юлия осталась в бойлерной одна. Я слышал, как она раздраженно скидывает камни в холщовый мешок, тихо ругаясь себе под нос. Она была зла, уязвима и находилась в идеальном состоянии для деловых переговоров.

Я подошел к приоткрытой железной двери и, вместо того чтобы красться, намеренно тяжело, громко стукнул подошвой ботинка о бетон, а затем толкнул дверь так, чтобы её заржавевшие петли издали пронзительный визг.

Юлия крутнулась на месте с кошачьей грацией. Её реакция была мгновенной. Правая рука взметнулась вверх, и в полумраке блеснул массивный стальной цилиндр — модифицированная версия того самого инфразвукового ключа. Кристалл на его рукояти уже вспыхнул грязно-желтым.

— Шаг назад, или твои легкие выплюнут сами себя, — прошипела она, целясь излучателем мне в грудь. Её глаза, привыкшие к полумраку, быстро узнали мой студенческий сюртук. — Ты? Тот сумасшедший умник с рынка? Ты что, следил за мной?

— Следил — это слишком грубое слово. Скажем так: я проводил независимый аудит твоей клиентской базы, — я спокойно шагнул в помещение, не обращая внимания на нацеленное на меня оружие. — И должен признать, аудит выявил критические недостатки в вашем бизнес-плане.

— Ты покойник, — её палец лег на тумблер активации. В её голосе не было паники, только холодная готовность убить свидетеля. — Я не знаю, как ты не фонишь в эфире, но физику удара ты не переживешь.

— Физику? — я усмехнулся, медленно закладывая руки за спину. — Ты говоришь о физике, но собираешься использовать инфразвуковой излучатель в закрытом, бетонном помещении площадью менее двадцати квадратных метров. Частота твоего прибора — шестнадцать герц. Длина волны при скорости звука в воздухе составляет чуть больше двадцати одного метра.

Юлия нахмурилась, её палец замер на тумблере. Она была инженером и мгновенно поняла, к чему я веду.

— Это голый бетон, Галицына, — спокойно произнес я. — Он почти не поглощает звук. Если ты нажмешь на кнопку, инфразвуковая волна не просто ударит в меня. Она отразится от стен, вернется обратно и начнет наслаиваться сама на себя, разгоняясь, как снежный ком. Эта тесная коробка мгновенно превратится в смертельную ловушку. Твой защитный перстень-глушитель на левой руке просто не выдержит такого дикого давления. Нас обоих разорвет изнутри нашим же собственным эхом. Так что давай, нажимай. Проверим на практике.

В бойлерной повисла тяжелая тишина. Она смотрела на меня, кусая губы, и её мозг лихорадочно обсчитывал мои слова. Я не блефовал, и она это знала. Самодельные генераторы — это всегда игра с огнем, а она только что чуть не подожгла пороховой погреб.

Спустя долгих пять секунд она медленно опустила цилиндр и щелкнула тумблером в положение «выкл». Грязно-желтое свечение кристалла погасло.

— Кто ты такой? — её голос звучал глухо и напряженно. — Ищейка Инквизиции? Засланный провокатор?

— Я — решение твоих проблем, Юлия, — я подошел к столу, на котором остались лежать чертежи её самодельных бомб. — Инквизиторы не стали бы читать тебе лекции по акустике. Они бы просто сожгли это место вместе с тобой. Меня зовут Александр Волков. И я предлагаю сделку.

— Волков? Тот самый род, который пустили по ветру за ересь? — она недоверчиво прищурилась, но напряжение в её плечах чуть спало. — Сын безумного профессора, который искал «Код Творения»? Говорили, что ты пустышка. Нуль.

— Как видишь, в пустоте есть свои преимущества, — я постучал пальцем по лежащему на столе чертежу. — Твой фанатичный друг Северов просит невозможного. Эти рудные кристаллы действительно не смогут пробить барьер в тысячу герц. Они слишком грязные. Пытаться пробить ими кинетический щит — это как бросать горсть песка в бронированное стекло.

— Я это и без тебя знаю, умник, — огрызнулась девушка, скрестив руки на груди. — Но у меня нет других материалов. И нет оборудования для их очистки.

— Тебе не нужно их очищать, — я взял со стола огрызок карандаша и быстро набросал поверх её чертежа новую схему. Не заумные формулы, а простой, наглядный контур расположения медной проволоки. — Тебе нужно их синхронизировать.

Юлия наклонилась над столом, недоверчиво разглядывая набросок.

— Что это за странная обмотка? — нахмурилась она. — Ты пускаешь энергию зигзагами. Это же намеренно затормозит сигнал от первого кристалла. Зачем?

— Чтобы создать двойной удар, — спокойно пояснил я. — Когда Северов бросит эту связку, первый кристалл ударит в барьер и заставит его дрожать, «рябить». Защита попытается перестроиться, чтобы поглотить этот шум. И ровно в эту долю секунды, когда щит будет уязвим, по нему ударят второй и третий кристаллы, слившись в одну сверхплотную волну. Барьер в тысячу герц просто разлетится на осколки от внутреннего перенапряжения. Для этого не нужны чистые камни. Для этого нужна правильная геометрия обмотки.

Юлия молчала почти минуту. Она переводила взгляд с чертежа на меня, потом обратно. Её инженерный разум только что получил элегантное, математически безупречное решение задачи, над которой она билась неделями.

— Это гениально, — наконец выдохнула она, не в силах скрыть восхищения. — Это в корне ломает все классические постулаты эфиродинамики, но... цифры сходятся. Это работает.

Она резко подняла голову, её взгляд снова стал цепким и холодным.

— Отлично. Ты доказал свою полезность, Волков. А теперь говори, чего ты хочешь взамен. И не вздумай шантажировать меня тем, что сдашь Северова. Если ты пойдешь к жандармам, я найду способ проломить твою пустую голову до того, как они зачитают приговор.

— Успокойся, Галицына. Меня совершенно не интересует ваша мышьяная возня с подрывами распределительных щитков, — я отбросил карандаш и оперся руками о край стола, глядя ей прямо в глаза. — Мне нужно нечто гораздо более сложное.

— И что же?

— Легализация, — коротко ответил я. — Мой пропуск в архивы Академии Вибраций истекает через три дня. Мое имя находится в красных списках. У меня нет денег на взятки, и мне негде безопасно спать, потому что бандиты местного ростовщика уже вынюхивают мой след.

Я сделал паузу, позволяя ей осознать масштаб моей проблемы.

— Мне нужен полный комплект документов. Паспорт Империи на вымышленное имя. Желательно — дворянина низшего ранга из провинции, приехавшего покорять столицу. И, самое главное, мне нужен подлинный студенческий билет факультета Прикладной Механики Академии Вибраций. Со всеми печатями и эфирными метками. И мне нужна безопасная комната. Место, где я смогу спать и работать с металлом, не опасаясь ножа в печень.

Юлия смотрела на меня так долго, что я услышал, как тикает механический хронометр у неё на запястье. Затем она запрокинула голову и искренне, хрипло рассмеялась. Смех отразился от бетонных стен глухим, металлическим эхом.

— Документы дворянина? Студенческий билет элитного факультета?! Волков, ты перегрелся! Это не бумажки нарисовать. На билетах стоят криптографические эфирные печати второго уровня. Их подделка карается каторгой до конца дней. И стоит такая работа у мастеров на «Дне» не меньше тысячи золотых рублей! А ты предлагаешь мне это за один, пусть и гениальный, чертеж для бомбы?!

— Во-первых, я предлагаю тебе не один чертеж, — мой голос оставался ледяным и спокойным. — Я предлагаю тебе абонемент на мои мозги. Я просмотрел ваши технологии. Они удручают. Вы идете на эфирные крейсера с каменными топорами. Я могу модифицировать твое личное оружие так, что оно будет пробивать щиты Магистров. Я могу научить тебя собирать акустические мины из водопроводных труб и стеклянной крошки. Я стану твоим личным отделом перспективных разработок.

Я медленно обошел стол, сокращая дистанцию.

— Во-вторых. Я знаю, что тебе не придется идти к мастерам-фальшивомонетчикам. Я видел твои пальцы, Галицына. На подушечках микроожоги от эфирных резаков тонкой

настройки. И я видел твой инфразвуковой цилиндр. На нем стоит гравировка, которую ты пыталась затереть — клеймо лабораторий факультета Прикладной Механики. Ты не просто дочь барахольщика. Ты бывшая студентка. Скорее всего, исключенная по политическим мотивам или из-за бедности рода.

Она напряглась, как струна, её рука снова скользнула к цилиндру на поясе.

— Ты знаешь, как выглядят печати изнутри, — закончил я свою мысль. — И у тебя наверняка остались выходы на старые матрицы. Ты сделаешь мне эти документы сама.

Она долго смотрела на меня. В её глазах боролись паранойя, злость и непреодолимая профессиональная жадность. Девушка-инженер понимала, что стоящий перед ней парень с «нулевым» рангом — это кладёзь запретных, невероятных знаний, которые могут изменить ход всей их подпольной войны.

— Ты безумец, Волков, — наконец произнесла она, тяжело вздохнув и отпуская рукоять цилиндра. — Холодный, расчетливый, наглухо отбитый безумец. Если нас поймают, нас будут жечь на медленном эфирном огне.

— Если я не получу доступ в Академию, мы все рано или поздно сгорим в огне гораздо более масштабном, — ответил я, не вдаваясь в подробности. — Так что у нас с жильем?

Юлия окинула взглядом пыльную, сырую бойлерную.

— Жить будешь здесь. Условия — дрянь, но стены толстые, и эфирные сканеры жандармов сюда не пробивают. Спальник и примус я тебе принесу. За еду будешь платить расчетами. Новые чертежи каждый день.

Она подошла к столу, аккуратно свернула лист с моей формулой в тугую трубочку и спрятала во внутренний карман плаща.

— С документами будет сложнее. Мне понадобятся чистые бланки и пара дней на калибровку печатей. Пока я буду этим заниматься, ты не высываешься отсюда. Понял? Если бандиты ростовщика тебя найдут, я не стану тебя спасать.

— Я не нуждаюсь в спасении, — я подошел к трубам и легонько стукнул костяшкой пальца по ржавому металлу. Короткий, глухой звук почти без эха подтвердил мои расчеты: толщина бетонных перекрытий здесь была идеальной. Отличное место для лаборатории. — Мне нужно только время и тишина.

— Как тебя будут звать? — Юлия уже стояла у дверей, накидывая капюшон. — Для студенческого.

Я на мгновение задумался. Имя Александра Волкова мертво. Имя Виктора Шелеста ничего не значит в этом мире. Мне нужно было нечто нейтральное, но со смыслом.

— Виктор, — произнес я. — Виктор Резнов. Барон из уральской провинции. Одаренный, но посредственный «Минор-Плюс», приехавший изучать шестерёнки.

— Добро пожаловать на дно, барон Резнов, — усмехнулась Юлия. — Постарайся не умереть до того, как отдашь мне чертеж новой мины. Завтра принесу еду и спальник.

Дверь за ней с тяжелым лязгом захлопнулась, оставив меня одного в мерцающем свете газоразрядной лампы.

Я оглядел свои новые владения. Бетон, ржавчина и запах плесени. Далеко от сверкающих швейцарских лабораторий ЦЕРНа.

Но точка опоры была найдена. И теперь пришло время конструировать рычаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.